

А.В.Сарабьев

«Los turcos». На заре арабской иммиграции в Латинскую Америку

Иммиграция арабов с Ближнего Востока, оказавшая огромное влияние на формирование этносов стран Латинской Америки, приняла массовый характер во второй половине XIX в. На первых порах иммигранты-левантийцы* слабо дифференцировались по национальному признаку, хотя подавляющее большинство из них были жителями Османской империи. Начальный этап массовой иммиграции арабов в Латинскую Америку чрезвычайно важен для правильной оценки их огромного вклада в культуру, политику, деловую и хозяйственную жизнь принимающих стран.

Ключевые слова: иммиграция арабов, Ближний Восток, Латинская Америка.

Иммигранты в странах Латинской Америки, о которых пойдет речь, названные с легкой руки иммиграционных служб некоторых государств американского континента турками (*los turcos*), — интересный феномен, крайне важный для правильного понимания того, как складывалась национальная идентичность бразильцев, аргентинцев, чилийцев, уругвайцев, боливийцев, мексиканцев, эквадорцев, гондурасцев и других представителей практически всех латиноамериканских стран. В опубликованной недавно в Мексике работе историков Аарона Мура и Кента Мэтьюсона, в которой термин «*los turcos*» вынесен в название, он парадоксальным образом называется фантомным¹. В то же время его происхождение связывают с документами на эмиграцию, выданными османской администрацией². Разрешить этот парадокс, возможно, поможет обращение к записям иммиграционных органов принимающих стран, статистике и отчетам Лиги Наций, анализ которых позволяет установить, что основную часть иммигрантов с

Алексей Викторович Сарабьев — кандидат исторических наук, заведующий научно-издательским отделом Института востоковедения РАН (alsaraby@ya.ru).

* Левантийцы — европейское наименование жителей Леванта, т.е. стран восточной части средиземноморского побережья (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др.), в более узком смысле — Сирии, Палестины и Ливана.

таким определением составляли именно арабы Османской империи, в первую очередь жители региона Биляд аш-Шам*, или Великой Сирии³, а другую (сравнительно небольшую часть) — иммигранты других национальностей с территорией современных Сирии, Ливана, Палестины, Египта, Ирака и Турции: курды, армяне, турки, греки и др.⁴.

Возможно, выходцы с Ближнего Востока и Северной Африки и не составили костяк основных сложившихся латиноамериканских наций, но все же их вклад в процесс образования наций, формирование экономики, политической системы и культуры стран Латинской Америки трудно переоценить. В частности, в своей новой книге американский исследователь проблем миграции арабов и евреев Джеффри Лессер констатирует тот факт, что ученые недооценивают вклад иммигрантов-арабов в развитие латиноамериканских обществ (он, правда, пишет о Бразилии, но его слова верны и для других стран Южной и Центральной Америки): «Ученые, ставившие в прямую зависимость численность иммигрантских сообществ с их важностью, часто недооценивают евреев и арабов, поскольку их число уступало числу итальянцев, португальцев или испанцев. Наконец, ученые ошибочно представляют евреев и арабов как закрытые (иммигрантские) общины и тем самым выносят их за рамки бразильской национальной идентичности. Хотя это и неверно почти по всем параметрам (браки, образование, постоянное проживание), но то, что касается использования языка в народе и среди элит, автоматически определяет португальцев, итальянцев и испанцев как бразильцев, в то время как арабов и евреев — как небразильцев»⁵.

Одними из первых в Южную Америку стали выезжать в конце 50-х годов XIX в. палестинцы, которые оседали в основном в Чили⁶. Важным моментом, который косвенно послужил толчком к эмиграции, стало открытие в 1869 г. Суэцкого канала. В связи с этим произошло некоторое перераспределение торговых путей на территориях Египта и всего Восточного Средиземноморья, многие традиционные хозяйственные центры и целые области утратили былое значение, что вынудило население искать возможности восстановить свое благосостояние, даже пускаясь в рискованные предприятия. Набравшие силу внутренние процессы в областях Великой Сирии также оказались причиной зревших так называемых пуш-факторов эмиграции.

В числе перебравшихся на американский континент оказывались прежде всего ближневосточные христиане, но также и некоторое количество мусульман-суннитов и друзов**⁷. Более или менее точное число эмигрировавших через сирийские порты до начала XX в. можно установить только в отношении нескольких стран назначения. Однако трудность заключается в том, что в документах иммиграционных служб многих государств (в частности, Бразилии) не существовало единообразия в обозначении национальности приезжающих. Выходцы из сирийских и ливанских районов фиксировались зачастую как азиатские турки, сирийцы, арабы, а иногда даже как греки или армяне (возможно, в соответствии с вероисповеданием)⁸.

Большое значение для привлечения интереса потенциальных эмигрантов к Латинской Америке имел визит в Османскую империю бразильского

* Историческая, или Великая Сирия, — термин, обозначающий территории современных Сирии, Ливана, Палестины, Иордании и отчасти юго-восточных районов Турции.

** Друзы — арабоязычная этноконфессиональная группа в Ливане, Сирии, Иордании и в Израиле. — *Прим ред.*

императора Педру II в 1876—1877 гг. Он был заинтересован в привлечении в свою страну энергичных арабо-османских эмигрантов, обладавших навыками торговли и ремесел. Призыв Педру II был услышан: интерес к переселению в Южную Америку среди жителей сирийских областей, побережья и Горного Ливана начал быстро расти.

Заинтересованность императора в привлечении иммигрантов из арабских областей Османской империи была обусловлена острой нехваткой рабочей силы в Бразилии в условиях растущих показателей развития промышленности и торговли. В 1883 г., была создана Центральная ассоциация иммиграции (*Sociedade Central de Imigração*), и в обращении от ее имени, в частности, указывалось, что «взгляды с тревогой прикованы к иммиграции, которая уже принесла колоссальный прогресс Соединенным Штатам, чем вызвала восхищение во всем мире. Бразильское законодательство, уже уравнивавшее в правах натурализованных граждан и не католиков, теперь работает над проблемой разрешения светских браков и облегчения натурализации — двух существенных условий обеспечения стихийного иммиграционного потока в Бразилию»⁹.

Большинство эмигрантов — выходцев из Османской империи все же составляли крестьяне, пусть и обладавшие страстью к торговле. Но в странах Южной Америки они, как правило, не занимались скотоводством или земледелием, а чаще всего становились именно торговцами. Арабы-иммигранты первых волн занимались торговлей с лотка восточными сувенирами собственного производства, благовониями, а также пытались предоставлять посреднические услуги¹⁰. Вскоре вновь прибывавшие «турки» уже могли пользоваться поддержкой своих наиболее успешных земляков и единомышленников. Сиро-ливанские диаспоры довольно быстро занимали целые ниши в экономике принимающих государств. Правда, их концентрация была довольно определенной: ливанские арабы селились вблизи крупных рек и промышленных центров, которые со временем стали районами их традиционного проживания в странах Латинской Америки¹¹. Даже если иммигранты первой волны оказывались вдали от городов, их потомки в дальнейшем старались покинуть сельские районы¹².

Наиболее важной отправной точкой иммигрантов из Леванта был Бейрут — основной сирийский портовый город¹³, который выполнял функции своего рода трамплина для желающих эмигрировать за рубеж жителей Внутренней Сирии и Горного Ливана. Туда съезжались потенциальные эмигранты из нескольких османских административных единиц. Также важное значение для внешней миграции имел и порт Триполи, через который шел поток эмиграции, в конфессиональном отношении сходный с тем, который проходил через г. Бейрут.

По данным официального доклада о состоянии и перспективах британской торговли в Сирии за 1911 г., которые приводил немецкий исследователь начала XX в. Артур Руппин, в 1909 г. порт Триполи покинули 5 566 человек, а порт Бейрута — 8 282 человек (всего 13 848 человек)¹⁴. А опираясь на данные германского консула в Бейруте, ученый приводил следующие данные по миграции: 14 тыс. эмигрантов выехали через порты Бейрута и Триполи в 1911 г. и 24 тыс. человек — в 1912 г. Бейрутские портовые власти предоставили автору следующие сведения: в 1912 г. — 18 904 эмигранта, в 1913 г. — 16 739 человек, в 1914 г. — 6 109 человек¹⁵. В своем

донесении от 31 января 1903 г. российский генконсул в Бейруте сообщал, что «все эмиграционное передвижение» (очевидно, сирийцев и ливанцев) составляло до 30 тыс. пассажиров в год¹⁶.

Во многом за счет большого числа ливанских эмигрантов по своему конфессиональному составу сиро-ливанская эмиграция в первое десятилетие XX в. продолжала оставаться преимущественно христианской. По имеющимся данным на 1906 г., которые приводит в своей книге ливанский историк Абдалла аль-Маллях, христиане составляли до 95% от всех ливанских эмигрантов (марониты — 69%, православные — 15%, грекокатолики — 11%), а 5% составляли друзы и шииты¹⁷. Только за период от начала XX в. до Первой мировой войны Ливанскую мутасаррифию* покинуло около четверти всего населения¹⁸ (насчитывавшего к 1913 г. 442 тыс. человек¹⁹, а по другим данным — к марту 1915 г. — 407,75 тыс. человек²⁰), преимущественно христиан-католиков.

При этом из некоторых ливанских мухафаз** эмигрировали до трети всего населения. При последнем ливанском мутасаррифе Оганесе-паше в 1914 г. была проведена перепись, данные которой содержали, в том числе, информацию об эмигрантах по округам каждой из каз***. Эти данные говорят о катастрофической для местного уклада потере трудоспособного мужского населения в период до 1914 г. Общее число эмигрантов — порядка 100,66 тыс. человек, что составляло в среднем около 25% населения Ливанской мутасаррифии²¹.

Опираясь на личные архивы ливанского священника Ибрахима Харфуша, А. аль-Маллях приводит свидетельства о том, что из небольших ливанских деревень в 1910—1913 гг. выехали по несколько десятков эмигрантов, а более крупные населенные пункты лишились нескольких сотен своих жителей. Общее число ливанцев, покинувших родину с 1860 по 1914 г., оценивается рядом ученых в пределах 300 тыс. человек²².

Что касается эмиграции в **Бразилию** — популярнейшую страну назначения для выходцев с Ближнего Востока, — то первым арабом-эмигрантом считается Юсеф Муса (вероятно, из рода Шидийак) из северо-ливанского христианского села Мизьяра, приехавший в 1880 г. История этого первого переселенца основывается на устных преданиях, бережно сохраняемых как в диаспоре, так и в Ливане. Как сообщается, этот 20-летний юноша решил уехать из страны, доведенный до отчаяния бедственным положением семьи и притеснениями со стороны османских властей. Отправным пунктом он выбрал Бейрут, где и узнал о визите бразильского монарха. Путь Ю.Мусы в Бразилию лежал через порты Марселя и Лиссабона. Обосновавшись в провинции Сантос, он стал «джаввалем», т.е. торговцем вразнос, под именем Юсефа Мизьяра²³. В 1882 г. из того же ливанского села в Бразилию приехал маронитский священник Йакуб Салиба. Уже в 1888 г. он создал Маронитское благотворительное общество, выполнявшее функции социальной поддержки членов быстро растущей общины²⁴.

* Ливанская мутасаррифия — особая административная единица в рамках Османской империи под управлением мутасаррифа (христианина по вероисповеданию). Учреждена в 1861 г. согласно Органическому статуту, принятому во многом под влиянием европейских держав.

** Мухафаза — ливанская административно-территориальная единица.

*** Каза — более мелкая административно-территориальная единица.

Следует заметить, что небольшая сиро-ливанская диаспора существовала в Бразилии и до 1880 г., но она состояла из реэмигрантов из Европы и северной Африки²⁵. Вероятно, существование и активность этой общины и вызвали интерес короля Педру II к сиро-ливанской эмиграции, проявленный им во время визита на Ближний Восток в 1876 г.

Важность ближневосточной общины в Бразилии признавала Католическая церковь: для урегулирования вопросов церковной жизни ее членов в 1879 г. из Ливана прибыл папский легат, греко-католический митрополит Басилиос аль-Хаджжар. Он был принят лично бразильским императором и удостоен высокой награды. Этот визит означал покровительство сиро-ливанских общин со стороны Ватикана и начало контактов с бразильской диаспорой высших церковных структур. Как пишет бразильский историк ливанского происхождения Роберто Хатлаб, в дальнейшем, будучи уже митрополитом Сайды и Дейр-эль-Камара (назначен в 1887 г.), Басилиос аль-Хаджжар распределял богатые пожертвования соотечественников из Бразилии между монастырями, приходами и школами своего диоцеза²⁶.

Бразильская сиро-ливанская диаспора быстро росла. Уже к концу 80-х годов XIX в. она насчитывала несколько десятков тысяч человек. О размахе эмиграции из Сирии и Ливана в Бразилию свидетельствовал ряд современников. Так, об этом неоднократно писал в своих письмах из Ливана известный отечественный востоковед Агафангел Ефимович Крымский²⁷, а в одной из своих главных работ автор указывал, что в Бразилии, в частности в Сан-Паулу, «в 1890-х годах образовалась значительная арабская колония со своим издательством»²⁸.

Весьма любопытно и другое свидетельство А.Е.Крымского. В письме от 18 июля 1897 г. со слов своего собеседника-ливанца он сообщает: «Они наводнили Бразилию, задумавши (с выгодой для себя) непредприимчивых, ленивых бразильских португальцев купить предметами европейской роскоши. Уж десять лет существует в Бразилии (особенно в Сан-Паулу, к северу от Рио-де-Жанейро) большая арабская колония: нажившиеся арабы держат оптовые склады, а новоприбывшие берут коробки и ходят по селам, словно у нас венгерцы (короб называется «кашше»). Особенно отуманивают они южноамериканских негров, которые получили волю лишь в 1889 г. и еще совсем не умеют жить. «Сто-двести процентов прибыли — это там вещь обычная», — говорил мне Яфет. [...] Бразильское правительство, по слухам, намерено вскоре предпринять ограничительные меры против арабской эксплуатации, чтоб защитить свой простой народ»²⁹.

Согласно данным бразильской иммиграционной службы, за период с 1894 по 1903 г. было зарегистрировано 7 214 человек, выехавших в Бразилию через сирийские порты³⁰. В целом с 1890 по 1914 г. в Бразилию эмигрировали более 60 тыс. сирийцев и ливанцев³¹. Большинство из них были сельскими жителями, однако местом своего поселения они выбирали города. Мало кто продолжал заниматься сельским хозяйством на новом месте (по некоторым оценкам, только 18% их были заняты в сельском хозяйстве³²).

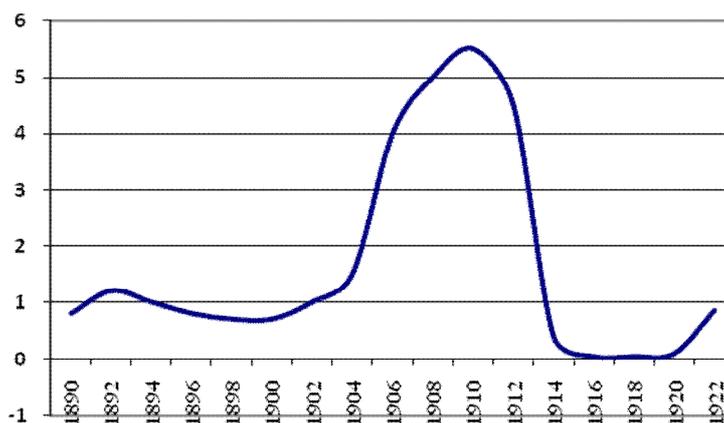
* Диоцез — церковно-административная территориальная единица в Римско-католической, Англиканской, Шведской и некоторых других церквях, во главе которой стоит архиепископ (епископ или архиепископ). — *Прим. ред.*

Впрочем, немногие пошли работать и на фабрики. Основным же их занятием стала мелкорозничная торговля.

Наиболее высокими темпы эмиграции в Бразилию были в первые полтора десятилетия XX в. С 1903 по 1913 г. число прибывших превысило 46 тыс. человек³³, т.е. средний показатель ежегодной эмиграции в этот период составил около 4,6 тыс. С началом войны эмиграция практически прекратилась, возобновившись в начале 20-х годов: в 1914—1922 гг. в Бразилию въехали только 1 145 человек³⁴.

Исходя из приведенных данных (см. график ниже), можно представить следующую динамику: в 1890—1894 гг. в Бразилию прибыли около 4 тыс., в 1894—1903 гг. — 7,2 тыс., в 1903—1913 гг. — 46 тыс. и в 1914—1922 гг. — 1 145 человек. До всплеска эмиграции в десятилетие перед Первой мировой войной средний показатель, таким образом, составлял ежегодно около 1 тыс. человек. Общая численность диаспоры к 1922 г. оценивалась в 80—100 тыс. человек³⁵.

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИММИГРАЦИИ В БРАЗИЛИЮ В 1890—1922 гг. (тыс. человек)

Американский исследователь Джеффри Лессер приводит любопытные слова очевидца, относящиеся к 20-м годам XX в., что улица с магазинами сиро-ливанской диаспоры представляла собой пространство, где «оптовики продавали какие-то гигантские связки со своих гигантских плантаций, улица — это место гигантских мужчин с гигантскими усами». Показательна шутка того же очевидца, в которой высмеивается идентичность тех, кого в Бразилии называли «los turcos», т.е. араба глазами так называемых евробразильских элит: «Рецепт приготовления «турка»: взять коктейльный шейкер на 25 «Марко стрит» (улица, где сконцентрирован арабский бизнес), положить туда по одному — сирийца, араба, армянина, перса, египтянина и курда, хорошенько встряхнуть и — бум! — получается турок»³⁶.

Иммиграция левантийских арабов в Бразилию почти прекратилась в период Первой мировой войны и возобновилась с 1920 г. Известно, что в течение 1914—1922 г. в эту страну из восточно-средиземноморских портов выехали 1 145 человек, зафиксированных местными властями как «сирийцы»³⁷, но этот показатель относится, по всей видимости, к 1920—1922 гг.

Начало эмиграции в **Аргентину** — еще одну из важнейших в этом отношении стран — ливанские авторы относят к 1880 г., когда туда прибыл первый переселенец из Сирии Антун Аввад. В 1883 г. в Аргентине осели некие М. аль-Ашкар, Ш. Кайруз, Т. аль-Бустани, А. Тааме, А. Арида, а в 1885 г. — А. аль-Лабаки³⁸. Через несколько лет туда направлялся уже целый поток эмигрантов из Сирии. Как и в большинстве американских стран, в Аргентине всех иммигрантов с Ближнего Востока долгое время именовали турками. Районы Буэнос-Айреса, где они локально проживали, называли «barrios de los turcos», т.е. турецкие кварталы³⁹.

Показатели эмиграционных потоков в Аргентину за период, указанный в таблице 1, не являются бесспорными и сильно отличаются от данных, приводимых другими исследователями, но очевидно, что годовой показатель мог колебаться от нескольких десятков до нескольких тысяч человек.

Т а б л и ц а 1

СИРО-ЛИВАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АРГЕНТИНУ ЗА 1887—1913 гг.⁴⁰

Год	Численность (человек)	Год	Численность (человек)
1887	19	1902	1 671
1888	31	1903	1 450
1889	2 020	1904	3 226
1890	210	1905	7 085
1891	21	1906	7 177
1892	30	1907	7 436
1893	122	1908	9 101
1894	122	1909	11 765
1895	380	1910	1 574
1896	7 197	1911	13 605
1897	1 194	1912	19 092
1898	1 715	1913	19 542
1899	3 196	1914	5 142
1900	1 583	1915	370
1901	2 159	Всего:	136 448

Лишь очень небольшое количество этих «турок» были мусульманами; большинство были христианами, преимущественно маронитами. Вне зависимости от религиозной принадлежности эти иммигранты, как правило, избегали сельскохозяйственной деятельности, предпочитая коммерцию. Как и в других американских странах, они начинали с торговли с лотка в разнос. Многие из них через некоторое время уже могли открыть свою лавку. К 1914 г. сирийцы и ливанцы в Аргентине уже владели большими фешенебельными магазинами и начинали постепенно входить в сферу текстильной промышленности, тогда как другие (особенно, вновь прибывшие) пополняли ряды уличных

торговцев-джаввалей, выкрикивая известный возглас: «Коса тьенда!» (*исп.*, приблизительно означает «товары с лотка») ⁴¹.

Американский историк Карл Сольберг приводит многочисленные свидетельства аргентинской периодической печати первого десятилетия XX в. об успехах левантийцев К 1910 г. «турки» владели по крайней мере 6,9 тыс. предприятий разного уровня по всей Аргентине, а по свидетельству издания «*Caras y Caretas*» от 1 марта 1902 г. в Буэнос-Айресе они во многих случаях потеснили креолов в конкурентной борьбе. В 1895 г. в Аргентине среди выходцев из Османской империи насчитывалось всего 70 владельцев недвижимости; к 1914 г. этот показатель вырос больше, чем в 100 раз, составив 7 709 человек ⁴².

Местное население с симпатией относилось к выходцам из стран Северной Европы, Италии или Испании, но к сирийцам, евреям и вообще восточным иммигрантам — в основном, с нескрываемой неприязнью. Некоторые журналисты позволяли себе высказываться в том ключе, что эти группы биологически представляют собой столь низкие слои, что никак не могут улучшить наследственность смешанного населения. Нередко в газетных статьях (начиная, по крайней мере, с 1890 г.) появлялись оскорбительные характеристики в их адрес. Видимо, во многом это явление было вызвано завистью и тревогой за конкурентные возможности местных коммерсантов в условиях бурного экономического подъема сиро-ливанской диаспоры. Звучали даже призывы строго ограничивать иммиграцию левантийцев. Так, аргентинская газета «*La Nación*» в феврале 1900 г. писала, что «жалкая коммерция этих «джиго» (проходимцев) является национальным позором, и иммиграция этих групп должна быть строго ограничена». А газета «*La Prensa*» от 17 ноября 1906 г. сообщала, что в г. Тукумане и городах других внутренних провинций, где, якобы, «численность сирийских бизнесменов так велика, что делает конкуренцию невозможной», в сфере розничной торговли левантийцы потеснили даже итальянцев и испанцев ⁴³.

В справочнике 1919 г., изданном в Париже для французов, собиравшихся эмигрировать в Аргентину, сообщалось, что наиболее крупные общины выходцев из Османской империи располагались в Тукумане, Буэнос-Айресе и Санта-Фе, а также в провинциях Сантьяго-дель-Эстеро, Кордова, Мендоса и некоторых других ⁴⁴. За период 1915—1920 гг. данные об иммиграции левантийцев в Аргентину отсутствуют.

Был зафиксирован и обратный процесс — массовый выезд сиро-ливанских иммигрантов из Аргентины в другие страны американского континента, а также возвращение на родину — реэмиграция. Очевидно, уровень жизни в стране и условия для деловой активности иммигрантов для многих оказывались гораздо ниже ожидаемых. Следует, однако, заметить, что аргентинская реэмиграция — феномен далеко не исключительный, хотя и хорошо известный. Этот процесс в тех или иных масштабах был присущ всем без исключения странам сиро-ливанской эмиграции. Так, ярким примером масштабной реэмиграции стал Египет, откуда с конца 80-х годов XIX в. сирийцы в большом количестве стали выезжать на Запад ⁴⁵ (видимо, привлекаемые новыми возможностями в западных странах и, может быть, в общей волне сиро-ливанской эмиграции в Новый Свет).

По данным на конец ноября 1913 г., за все предшествовавшие годы Аргентину покинули 38 424 сиро-ливанских иммигранта. По подсчетам ли-

ванского ученого Набиля Харфуша, общее число сирийцев и ливанцев, проживавших в Аргентине к 31 декабря 1915 г. (с учетом реэмигрировавших), составляло 104 875 человек⁴⁶.

Оценки других исследователей отличаются от приведенных в меньшую сторону. По данным турецкого историка Кемаля Карпата, численность иммигрантов из «Азиатской Турции» в Аргентину за 1906—1915 гг. составляла 59,3 тыс. человек⁴⁷, тогда как по представленным выше данным Н.Харфуша и Акрама Хатера число сиро-ливанских иммигрантов за тот же период было значительно больше — 94,8 тыс. человек. Существуют и другие сведения: К.Сольберг, использовавший данные официальной аргентинской переписи, сообщал, что в стране к 1914 г. насчитывалось всего 64 369 выходцев из Османской империи, что составляло 2,73% от всех иммигрантов⁴⁸.

Иммиграция левантийцев в **Чили** началась в 1882 г. и достигла наивысших темпов в последние годы XIX — первого десятилетия XX вв. По данным официальной переписи, приводимым К.Сольбергом, к 1907 г. их диаспора в Чили насчитывала 1 729 человек, что составляло 1,28% от всех иммигрантов в стране⁴⁹.

Ученые отмечают, что в основе успеха сирийцев и ливанцев лежали их амбиции и напористость, а также новые для местных условий методы ведения бизнеса: в то время как сами чилийцы практиковали в бизнесе небольшие объемы и медленный цикл оборота средств, сирийцы и ливанцы, сохраняя невысокие накладные расходы, не боялись, как писал в ноябре 1913 г. журнал «Pacífico Magazin», ставить невысокую торговую наценку, продавая огромные объемы товаров, особенно в рабочих кварталах и районах проживания бедных слоев населения⁵⁰.

Успех «турок» явно раздражал представителей не только деловых кругов, но и местную интеллигенцию. В прессе нередко появлялись статьи, порочащие выходцев из Османской империи. Некоторые журналисты даже поддерживали слухи, будто те биологически очень восприимчивы к таким болезням, как проказа и чума, которые они, якобы, и занесли в Чили⁵¹. И эти унижительные характеристики не были редкостью. В основе такого отношения лежало, конечно, столкновение экономических интересов «старых» европейских общин и сравнительно молодой, но очень успешной левантийской. Чтобы как-то нивелировать бурную предпринимательскую активность сиро-ливанских иммигрантов, бизнесмены Сантьяго стали требовать от правительства запретить или, по крайней мере, обложить высоким налогом мелкорозничную торговлю. В мае 1911 г. городские власти действительно ввели высокий налог для владельцев домашних лавок и потребовали от них соблюдения неких общественных норм. Вскоре, однако, этот налог в Сантьяго был отменен.

О трудностях во взаимоотношениях с «иммигрантским большинством» и в достижении полноправного социального статуса свидетельствует следующий эпизод. В 1910 г. власти Сантьяго аннулировали разрешение на возведение сиро-ливанской общиной небольшого монумента к столетию чилийской независимости. Проекты памятников, предложенные итальянской и немецкой диаспорами, были приняты, тогда как частично уже построенный памятник решено было снести под тем предлогом, что он мешал дорожному движению. Только после горячего протеста лидеров сиро-

ливанской общины разрешение о продолжении строительства монумента было получено, и «Monumento siriootamano» был торжественно открыт в Сантьяго в 1912 г.⁵².

Тем временем «информационная атака» на левантийских иммигрантов продолжалась. Одно из столичных изданий в августе 1913 г. попыталось выступить инициатором бойкотирования товаров «турок», которые, по мнению издания, не отвечали санитарным нормам, а иммиграцию из Леванта вообще требовало запретить⁵³. Интересно, что в качестве аргумента журналисты выдвинули обвинение против этих иммигрантов в том, что они больше пекутся о своей родине, нежели о стране пребывания, вывозя домой или пересылая туда заработанные средства, и настроены реэмигрировать, исчерпав для себя ресурс этой страны.

Так или иначе, несмотря на жесткие условия конкурентной борьбы с бизнесменами из других иммигрантских общин, дела у небольшой диаспоры сирийцев и ливанцев Чили шли довольно успешно: к 1914 г. их магазинчики и ремесленные лавки можно было увидеть по всей стране. Особенно ощутимый экономический подъем и выход сиро-ливанских иммигрантов в более высокие социальные страты наблюдался в конце 1910-х—1920-е годы, уже во втором поколении иммигрантов. Принимая во внимание даже такой факт, как стремительное сокращение темпов эмиграции сирийцев и ливанцев в Чили, надо отметить, что представители диаспоры к середине XX в. входили в высшие деловые и даже политические круги страны.

В другие страны Латинской Америки эмиграция из сирийских провинций и Ливанской мутасаррифии шла менее высокими темпами. Первым переселенцем из Сирии в **Мексикку** считается ливанец, священник Педро Рафуль (1879 г.), которому маронитский патриарх поручил возглавить духовную жизнь сиро-ливанской колонии в мексиканской столице⁵⁴. По другим сведениям, первым сирийским эмигрантом в Мексикку был С.Аввад из Хасруна (1882 г.), в **Колумбию** — А.Сакр, Ф.Шакер (1880 г.) и Дж. аль-Басит (1885 г.). Начало эмиграции в **Уругвай** пришлось на 1882 г.⁵⁵. Еще раз подчеркнем, что, вероятнее всего, известны имена тех, кто положил начало прямой эмиграции в страны Нового Света непосредственно из сирийских портов (безусловно, с пересадками в Европе). До их прибытия небольшие сирийские колонии, вероятно, существовали во всех перечисленных странах.

Согласно упомянутому выше деловому справочнику Наджибо Абдо по странам американского континента⁵⁶, который, кроме деловой информации (описания и адреса компаний, фирм и крупных магазинов, принадлежащих выходцам из различных районов Сирии и из Ливана), содержит приблизительные данные о численности сиро-ливанских диаспор в некоторых странах Америки, общее число арабоязычных иммигрантов в Западном полушарии составляло 300 тыс. человек. Автор сообщал, что практически все они были сирийцами, т.е., очевидно, некогда выехали через сирийские порты.

Относительно некоторых стран (например, Парагвай, Уругвай, Перу) источник сообщает, что число сирийцев в них очень невелико, но приводит некоторую информацию по их деловой активности⁵⁷ (см. иллюстрацию).

جمهورية
الأوروغواي

URUGUAY

General Literature, Especially on Commerce
and Syrian Situation.

عدد سكانها مليون نسمة منهم ١٥٠٠٠٠ من الغرباء -
ساحتها ٧٢٢١٠ أميال مربعة - ام اشغالها تربية المواشي كالبقرة
والغنم واغليل وزراعة الحبوب واستغلال القمح والبقول والتبغ
والزيتون والنسب والكثان والقطن - ذبح البقر لاجل تقديم لحومها
والانتفاع من جلودها ذلك هو اعظم الاشغال ستوريا - وفي
انديانديسيا او فراي بتوس على شفاف نهر الاوروغواي يوجد ام
معمل خلاصة اللحوم « ابيك » - صادرات الاوروغواي لعام
١٩٠٥ بلغت ٦٥٤٧٧١٢ ليرة انكليزية ووارداتها لنفس العام بلغت
٦٥٥٨٤٤٢١ ليرة انكليزية - تجارتها مع الولايات المتحدة لعام
١٩٠٦ بلغت ٥٦١٧١٤٣ دولاراً

تنبه - دليل الاوروغواي مرتب بحسب الحروف المعجانية
العربية واللاتينية يتبع العربي خلافاً لباني الدليل حيث العربي يتبع
اللاتيني - عدد السوريين في جمهورية الاوروغواي ٢٥٠٠ نسمة
تقريباً - واشغالهم بالتال التجارية وهم على غاية التوفيق ومطلب الإقامة
في تلك البلاد الجديدة - لم جميعات مفيدة وبريدة معروفة حرة
تدعى العروة الوثقى ومحال تجارية معروفة وذلك في العاصمة
مونتيفيدو

The Syrians in Uruguay number about 2,500 souls.
Their occupation being mostly commercial pursuits.
They have benevolent societies and a well known
newspaper called "Alurwat-El-Woska" in Montevideo,
the Capital of the Republic.

The Uruguay Directory is arranged according to
Arabic Alphabetical order.

سارولاركو
CERRO LARGO.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

جرجي منصور

Jorge A. Mansur.

سلم عساف خاطر

Salomon Jaler.

تقولا وجبه

Nicolas Felipe.

يعقوب جرجس

Santiago Otorbay.

دوراينو

DURAZNO.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

اسعد نادر وغنايل شلالا

Nader y Chalela.

الياس نادروس وولده

Elias Nadros e Hijo.

حبيب ندروس

David Nadruz.

ذخور نادروس وولده

Nadruz Hijo.

است درابلي

EST. DRABLE.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

يوسف جرجس وشركاه

Jose Jorge Cia.

است سراندي

EST SARANDI.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

شاكر عساف

Chaquer Jorge.

است ترانكارا

EST TRANQUERA.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

يوسف نصار

Jose Nazar.

محمد حسن

Jose Hassan.

فلوريدا

FLORIDA.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

اسعد ابو مراد

Fortunato Antonio.

اسعد جرجي بوزاري

Fortunati j Buzary.

امين عبدو خليل

Emilio Abdo.

زخيا شلالا

Zacaria Chalela.

جبرائيل الخوري

Gabriel Juri.

سلم الحداد

Sâlim Adad.

سميد اسعد

Siad Assad.

يوسف وسلم اسباط

Jose Espach y Hoo.

يوسف واغناطيوس صافي

Safi Hermano.

فراي بتوس

FRAY BENTOS.

بضائع عمومية

GENERAL MERCHANDISE.

اتانسوس اغابوس

Atanacios Agabios.

غنايل ابراهيم جبرائيل

Miguel A. Gabriel.

Пример страницы делового справочника 1907 г.

С началом Первой мировой войны эмиграция из Ливана и Сирии практически прекратилась из-за невозможности выехать из этих стран. Транспортные (пароходные) компании, обслуживавшие Восточное Средиземноморье, существенно ограничили свою деятельность. С начала октября 1918 г. все сирийские порты жестко контролировались французами и англичанами.

**ОЦЕНКИ ЧИСЛЕННОСТИ СИРО-ЛИВАНСКИХ ДИАСПОР
В 1907 Г. В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ**

Страна	Численность
Канада	10 000
Нью-Йорк (включая Бруклин)	10 000
Центральная Америка (?)	4 350
Коста-Рика	1 000
Аргентина	60 000
Бразилия	90 000
Чили	1 500
Колумбия	2 500
Эквадор	400
Уругвай	2 500
Венесуэла	2 300
Вест-Индия (Куба, Санто-Доминго, Гаити, Ямайка, Кюрасао, Пуэрто-Рико)*	6 000
Куба	2 500
Гаити	1 800
Ямайка	500
Доминиканская республика	2 000

* Явные несоответствия, которые бросаются в глаза в составленной сводной таблице, имели место в самом справочнике.

Составлено по: N.A b d o u. Travels in America and Commercial Directory of the Arabic Speaking People of the World = Ас-сафр аль-муфид фи-ль-алям аль-джадид ва-д-далиль ат-тиджарий ли-абна аль-люга аль-арабийя фи-ль-алям аджма. Washington, 1907, p. 9, 162, 335, 341, 355, 365, 366, 376, 378, 379, 383, 387, 390, 391, 394, соответственно.

В период войны продолжалась только реэмиграция, причем не обратная, а из одних центров эмиграции в другие (в частности, известны данные по реэмиграции арабов из стран Латинской Америки в США). Некоторое представление о масштабах реэмиграции дают следующие сведения по Аргентине: в период с 1887 по 1913 г. оттуда выехали около 38,5 тыс. сирийцев и ливанцев при 130 тыс. въехавших в это время в страну, что составило 29,6%⁵⁸. Значительная часть этих реэмигрантов уехали из Аргентины в другие государства Америки, поэтому число возвратившихся на родину сирийцев и ливанцев было гораздо ниже приведенного показателя.

Нельзя обойти вниманием активную политическую позицию иммигрантов «турок», их связь с исторической родиной. Так, заслуживает упоминания тот факт, что из эмигрировавших в свое время в Америку ливанцев и сирийцев составлялись добровольческие отряды, входившие в регулярные воинские части стран Антанты в Леванте. Таким образом они выражали свою ненависть к войскам турецкого султана, истреблявшим во время вой-

ны их родственников и близких, оставшихся на родине. Сирийский ученый Мухаммед аль-Алауви приводит слова французского генерала Пайо из его обращения к сиро-ливанским добровольцам: «Ваша сирийская армия переживает новый расцвет, пришедший к нам из Нового Света, и это — добровольцы из Северной и Южной Америк»⁵⁹.

Материальное положение большинства левантийских эмигрантов в Латинской Америке обычно быстро улучшалось. Несмотря на малооплачиваемый неквалифицированный труд, им удавалось за пять—десять лет скопить и переслать на родину достаточную сумму (до 10—20 тыс. франков⁶⁰), чтобы поправить материальное положение семьи или по возвращении открыть собственное дело. Германский консул в Триполи в 1912 г. в своем донесении писал: «Достойно удивления, в какое короткое время громадное большинство эмигрантов на новом поприще деятельности достигает известного благосостояния, как редко приходится слышать о неудачах, несмотря на то, что эмигранты в массе совершенно необразованны и в большинстве случаев еле умеют читать и писать на своем родном языке»⁶¹.

По оценкам А.Руппина, средства, присылаемые арабскими эмигрантами перед Первой мировой войной из стран Западного полушария, составляли не менее 41% совокупного дохода населения Ливанской мутасаррифии⁶². В предвоенные годы из Нового Света в Сирию переводилось не менее 30 млн франков ежегодно, из которых 15 млн выплачивались через банки в Бейруте, 12 млн — через банки в Триполи и 3 млн — через банки в Хомсе⁶³.

Во время Первой мировой войны в Ливан и Сирию из-за рубежа продолжали поступать значительные средства. Называлась общая сумма в 259 млн долл., переведенная представителями сиро-ливанской диаспоры⁶⁴. В значительной степени именно эти денежные переводы помогли многим семьям пережить тяжелое военное время⁶⁵.

Кроме того, социально активные представители сирийской диаспоры в Америке получали свободу, средства к существованию и возможность вести полноценную деловую жизнь. Представители немногочисленной арабской интеллигенции занимались публицистикой, осуществляли издательскую деятельность: во многих центрах иммиграции Южной Америки выходили газеты и журналы на арабском языке. Вокруг некоторых из них образовывались кружки, члены которых сыграли впоследствии важную роль в политической истории Сирии и Ливана⁶⁶.

Несмотря на указанные положительные аспекты, многим оставшимся на новой родине иммигрантам было сложно адаптироваться в новом этническом и культурном пространстве, даже притом, что они преуспели в делах и включились в общественную жизнь страны пребывания. Проблема культурной интеграции долго оставалась актуальной и для них самих, и для их потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. M o o r e, K. M a t h e w s o n. Latin America's Los Turcos: Geographic Aspects of Levantine and Maghreb Diasporas. — Noesis. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. México, 2012, p. 292.

² J. L e s s e r. Immigration, Ethnicity, and National Identity in Brazil, 1808 to the Present (New Approaches to Americas). New York, 2013, p. 119.

- ³ S.H y l a n d. "The Summit of Civilization": Nationalisms among Arabic-speakers in Latin America. — *Immigration and National Identities in Latin America, 1850—1950*. Florida, 2014, p. 258.
- ⁴ A.M o o r e, K.M a t h e w s o n. Op. cit., p. 292.
- ⁵ J.L e s s e r. Op. cit., p. 119; См. также: J.L e s s e r. *Negotiating National Identity: Immigrants, Minorities and the Struggle for Ethnicity in Brazil*. Durham, 1999.
- ⁶ Proud Palestinians of Chile. — *The Americas*, vol. 57, issue 6, p. 5.
- ⁷ K.H.K a r p a t. The Ottoman Emigration to America, 1860—1914. — *International Journal of Middle East Studies*, vol. 17, issue 2, p. 178. В числе эмигрантов с Востока оказались также армяне из Сирии и Восточной Анатолии, которые с 80-х годов XIX в. испытывали давление со стороны турецкой администрации Османской империи.
- ⁸ N.E.S a l i b a. *Emigration from Syria and the Syrian-Lebanese Community of Worcester*, MA. Ligonier (PA), 1992, p. 9.
- ⁹ J.L e s s e r. *Immigration...*, Appendix, doc. 3.1, p. 85.
- ¹⁰ См.: J.T.K a r a m. *Another Arabesque: Syrian-Lebanese Ethnicity in Neoliberal Brazil*. Philadelphia, 2007; *Arab and Jewish Immigrants in Latin America: Images and Realities*. London, 1998.
- ¹¹ A.M o o r e, K.M a t h e w s o n. *Latin America's Los Turcos*, p. 294.
- ¹² S.M o r r i s o n. Os Turcos: The Syrian-Lebanese community of São Paulo, Brazil. — *Journal of Muslim Minority Affairs*, vol. 25, No. 3, Dec 2005, p. 423—438; M.A l m e i d a. *Phoenicians of the Pacific: Lebanese and Other Middle Easterners in Ecuador*. — *The Americas*, vol. 53, issue 1, p. 88.
- ¹³ Бейрут не относился к Горному Ливану. После образования в 1861 г. Ливанской мутасаррифии Бейрут не вошел в ее состав, продолжая оставаться сирийским городом.
- ¹⁴ Там же (со ссылкой на: Weakley. *Report upon the conditions and perspets of British trade in Syria*. London, 1911, p. 11).
- ¹⁵ Там же, с. 18—19. Хотя эти цифры приведены за 1329, 1330 и 1331 гг. по хиджре соответственно, принимая во внимание замечание автора, что эмиграция шла преимущественно с апреля по октябрь, можно не брать в расчет зимние месяцы и признать указанные данные как за 1912, 1913 и 1914 гг. соответственно.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 208 «Консульство в Бейруте». Оп. 819, д. 428, л. 6.
- ¹⁷ Аль-Маллях, Абдалла. Аль-хиджра фи айам аль-мутасаррифия, 1861—1915 (Эмиграция в период мутасаррифии). Бейрут, 1996, с. 18. Подробнее см.: А.В.С а р а б ъ е в. *Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX — первая половина XX в.)*. М., 2012, с. 142—143.
- ¹⁸ M.Z a m i r. *The formation of Modern Lebanon*. London, 1985, p. 15.
- ¹⁹ Ch.Ph.I s s a w i (ed.) *An Economic History of the Middle East and North Africa*. London, 1982, p. 270.
- ²⁰ А.Р у п п и н. *Современная Сирия и Палестина*. Петроград, 1919, с. 19.
- ²¹ Аль-Маллях, Абдалла. Аль-харака ад-димугхрафия фи мутасаррифият Джебель Любнан ва мухаввалат танзымиха. — Ханнун, № 21 (Цит. по: Аль-Акль, Джахад Насри. *Аль-хиджра аль-хадиса мин Любнан ва тааты аль-муассасат ар-расмия ва-ль-ахлия мааха 1860—2000 (Ливанская эмиграция в новейший период и официальная и народная предпринимательская деятельность)*. Бейрут, 2002, с. 88—90.
- ²² См., например: K.K a r p a t. *The Ottoman Emigration to America*, p. 180.
- ²³ R.K h a t l a b. *Mahjar: Saga Libanese no Brasil = Закират любнан фи-ль-бразиль*, 2002, p. 34—35.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 35.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 34, сноска 10.
- ²⁶ R.K h a t l a b. Op. Cit., p. 25—26.
- ²⁷ А.Е.К р ы м с к и й. *Письма из Ливана, 1896—1898*. — Сост., предисл., послесл. И.М.Смилянкой. М., 1975, с. 168, 229.
- ²⁸ А.Е.К р ы м с к и й. *История новой арабской литературы (XIX — начало XX в.)*. М., 1971, с. 233.
- ²⁹ А.Е.К р ы м с к и й. *Письма из Ливана*, с. 178—179.
- ³⁰ E.S a f a. *L'emigration libanaise*. — Préf. de A.Naccache. Beyrouth, 1960, p. 188; см. также: S.M o u k a r z e l. *L'histoire du commerce syrien dans les centre d'immigration d'Amérique*. New York, 1929, p. 8; G.M é n a s s a. *Plan de reconstruction de l'economie libanaise et de reforme de l'état*. Beyrouth, 1948, p. 384—385; Ch.I s s a w i (ed.). *The Economic History...*, p. 269—273; M.J o u p l a i n (Paul Noujaïm). *La Question du Liban*. Paris, 1908, p. 563—568.

- ³¹ O.M.S.T r u z z i. Patrícios: Sírios e Libanes em São Paulo. São Paulo, 1997, p. 13 (Цит. по: Van Dusenbery. Transnational Migration and Diasporic Communities. — Hamline University, December, 2002).
- ³² Ibid., p. 43—44; S.C.K n o w l t o n. Spatial and Social Mobility of the Syrians and Lebanese in the City of São Paulo, Brazil. — PhD Thesis. Vanderbilt Univ., June 1955, p. 290.
- ³³ G.M é n a s s a. Op. Cit., p. 384—385.
- ³⁴ Ibid., p. 385/5.
- ³⁵ N.E.S a l i b a. Emigration from Syria..., p. 8; Даун Т. Ас-сурийун фи-ль-Бразиль. — *Аль-Муктамаф*, 1922, № 61. с. 228—231.
- ³⁶ G. d e A l m e i d a. Cosmopolis: O Oriente Mais Proximo. — O Ostado de S. Paulo, 19 may 1929, p. 6. (Цит. по: J.L e s s e r. Immigration..., p. 133.)
- ³⁷ G.M é n a s s a. Op. cit., p. 384/5.
- ³⁸ Харфуш, Набиль. Аль-худур аль-любнаний фи-ль-алям (Ливанцы во всем мире), т. 1. Бейрут, 1974, с. 26.
- ³⁹ A.F.K h a t e r. Inventing Home..., p. 74, 212.
- ⁴⁰ Ibid., с. 49.
- ⁴¹ C.S o l b e r g. Immigration and Nationalism: Argentina and Chile, 1890—1914. Austin, London, 1970, P. 40.
- ⁴² Ibid., p. 88, 57.
- ⁴³ Ibid., p. 89.
- ⁴⁴ L.C r o s. L'Argentine pour tous. Paris, [1919], p. 124—125.
- ⁴⁵ Ph.M.K a y a l, J.M.K a y a l. The Syrian-Lebanese in America: A Study in Religion and Assimilation. Boston, 1975, p. 63.
- ⁴⁶ A.F.K h a t e r. Inventing Home..., p. 49.
- ⁴⁷ K.K a r p a t. The Ottoman Emigration to America..., Appendix IX, p. 203.
- ⁴⁸ C.S o l b e r g. Immigration and Nationalism..., p. 38.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ Ibid., p. 71.
- ⁵¹ Ibidem.
- ⁵² Ibid., p. 72.
- ⁵³ Ibid., p. 71.
- ⁵⁴ Ph.M.K a y a l, J.M.K a y a l. Op. cit., p. 61.
- ⁵⁵ Харфуш, Набиль. Аль-худур аль-любнаний, с. 26.
- ⁵⁶ Справочник предназначался, в первую очередь, для сирийских эмигрантов.
- ⁵⁷ Представленные в справочнике сведения о численности иммигрантов носили, по всей видимости, оценочный характер и, по нашему мнению, в ряде случаев были значительно завышены автором.
- ⁵⁸ Аль-Акль, Джахад Насри. Аль-хиджра аль-хадиса мин Любнан..., с. 100.
- ⁵⁹ Бразильская газета «Аль-Калям аль-хадидий» («Железное перо»), № 106, 1.11.1917 и № 107, 16.11.1917, Сан-Паоло (Цит. по: Аль-Алаюви, М. Аль-хиджрат, с. 268.)
- ⁶⁰ А.Р у п п и н. Современная Сирия и Палестина, с. 20.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² А.Р у п п и н. Современная Сирия и Палестина, с. 20.
- ⁶³ Там же, с. 21.
- ⁶⁴ Там же, с. 65.
- ⁶⁵ N.E.S a l i b a. Emigration from Syria..., p. 19—20.
- ⁶⁶ Внутренний перечень газет и журналов, а также общественных и религиозных организаций в странах американского континента приведен в справочнике 1907 г.: N.A b d o u. Travels in America..., p. 328—334.